

Ли Жун не спешил официально объявлять о воссоздании «Люйиньской». Он даже перестал давать интервью, словно сетевая травля всё же достигла цели, заставив его уйти в тень.

Но сам он продолжал жить в кампусе, ежедневно курсируя между Университетом А и Исследовательским институтом «Хунсо». Любой желающий при желании мог беспрепятственно снять его на фото или видео.

Из-за показной скрытности юноши такие кадры стали цениться на вес золота. Стоило кому-то из студентов выложить свежий снимок в ленту, как через пару часов он разлетался по всему интернету.

Подобная «подсмотренная» жизнь будоражила нервы пользователей куда сильнее официальных репортажей. Интерес публики не только не угас, но и взлетел до небес.

— Встала пораньше, чтобы занять место в библиотеке, и — о боже! — столкнулась с Ли Жунем! Солнце ещё не взошло, а он уже уехал в «Хунсо». Трудяга! Только посмотрите на этот профиль!

— Ха-ха, я тоже его видела! Работаю рядом с институтом. На днях возвращалась глубокой ночью и столкнулась с ним на выходе.

— Уезжает до рассвета, возвращается за полночь... И ведь находятся мрази, которые смеют писать, будто он паразитирует на имени родителей и занимается самопиаром. Тошнит от этих продажных аккаунтов!

— Это его дело, последняя воля родителей — неужели он не станет выкладываться на полную? У тех, кто верит вбросам, вместо мозгов каша!

— А те, кто кукарекал, будто он ничего не смыслит в науке? Вы вообще слышали, что говорят профессора, участвовавшие в проекте? Они прямым текстом заявляют: мы лишь ассистенты, Ли Жун — мозг и сердце исследования!

— Многим просто больно признать, что в свои двадцать лет он добился того, к чему они не приползут и к концу жизни. Надеюсь, парень не принимает этот яд близко к сердцу.

— Все тут праведно негодуют, и только я молча сохраняю эти божественные фотки...

— Какой безупречный профиль. Всё-таки он совсем юный — столько свежести и жизни в лице.

— Выглядит по утрам таким отстранённым, наверняка не высыпается. Хотя, как по мне, он держится куда солиднее обычных студентов. Глядя на него, даже не верится, что он

первокурсник.

— Почему больше нет отчётов о ходе исследований? Я уже извёлся от ожидания.

— Скажите спасибо тем, кто его поливал грязью. Теперь вот довольствуемся случайными кадрами. Бесит! «Хунсо» тоже молчит, будто им плевать на проект.

— Говорят, директор института серьёзно болен, ему сейчас не до пиара.

Линь Цинь уехал в командировку в глухую провинцию на съёмки благотворительного ролика, но при каждой возможности заглядывал в сеть, отслеживая настроения.

— Староста, ты уже почти догнал меня по популярности, — шутил он по телефону. — Шагу ступить не дают, везде снимают. Но фото, признаю, получаются отличные.

— Те, кто следит за мной, и твои фанаты — это разные вещи, — наставительно отозвался Ли Жун. — Цзянь Фу говорит, за тобой хвост пустили, так что будь осторожнее.

Линь Цинь сидел на складном табурете, подставив лицо порывам бешеного ветра.

— В командировке даже лучше, — улыбнулся он. — В такую глушь за мной мало кто потащится.

— Возвращайся скорее, — подначил его Ли Жун, — а то Цзянь Фу скоро с ума сойдёт от тоски.

Линь Цинь не сдержался и прыснул:

— Староста... Слушай, а когда ты уже объявишь о воссоздании «Люйиньской»? Я уже извёлся весь язык за зубами держать.

— Не торопись, — усмехнулся собеседник.

И он действительно не торопился, потому что GT201, минуя стадию шумных анонсов, сразу перешёл к первой фазе клинических испытаний.

В Центральной больнице «Цзяцзя» всё было готово. Чжай Нин лично курировала процесс, с железной строгостью проверяя состояние добровольцев. Любое малейшее сомнение — и кандидата отсеивали без капли жалости.

Даже сестра Сун Хэ едва не пролетела мимо списка из-за обычного фарингита.

Сун Хэ не был в близких отношениях с Чжай Нин, поэтому, повесив нос, пошёл напрямик к Ли Жуну. Ему претило пользоваться связями, но ради выздоровления сестры юноша, запинаясь и краснея, всё же решился заговорить.

— Понимаешь... Моя сестра подала заявку, но у неё нашли фарингит.

Договорив, Сун Хэ до боли закусил губу и отвернулся. Он одновременно боялся и резкого отказа, и того, что Ли Жун из-за их дружбы бросится решать проблему слишком рьяно.

Юноша моргнул, мгновенно уловив суть.

— Слишком строгий отбор?

Сун Хэ кивнул:

— Желающих тьма. В «Цзяцзя» сказали, что берут только тех, у кого вообще нет сопутствующих заболеваний. Моя сестра не проходит.

Ли Жун на мгновение задумался.

— Фарингит не должен быть помехой. Но GT201 на стадии испытаний, побочные эффекты до конца не изучены, так что осторожность Чжай Нин понятна. Ты уверен, что...

— Я верю! — перебил его Сун Хэ. — Верю, что испытания пройдут успешно. Верю, что «Люйиньсюй» вылечит бактериальную прогеррию. Я видел весь процесс в лаборатории, я знаю — это лекарство работает.

Ли Жун мягко улыбнулся:

— Если ты так настаиваешь, я попрошу Чжай Нин включить её. Это не такая уж большая проблема.

Сун Хэ низко опустил голову, пряча смущение:

— Спасибо.

Он не умел рассыпаться в пылких благодарностях, но в душе был бесконечно признателен — и за возможность стажироваться в лаборатории, и за шанс для сестры.

Позже, когда Ли Жун упомянул об этом Чжай Нин, та ожгла его недовольным взглядом и тихо проворчала:

— Твой отец когда-то тоже говорил мне, что сопутствующие болезни — не проблема.

В этих словах не было лжи, но та цепная реакция и те непоправимые последствия, к которым они привели тогда, стали незаживающей раной всей жизни Чжай Нин.

Ли Жун лишь грустно усмехнулся, покачивая в руке стакан с кофе «юаньян».

— Не волнуйся. По крайней мере, за первую фазу я могу ручаться: проблем не будет.

— Ручаешься? — скептически вскинула брови Чжай Нин. — Как ты можешь ручаться? Мы, медики, знаем: никогда нельзя давать стопроцентных гарантий.

Ли Жун не мог признаться, что в прошлой жизни этот препарат уже блестяще прошёл испытания, а потому лишь беспомощно развёл руками:

— Ты сама говорила, что у Цэнь Сяо ПТСР, но, кажется, тебе и самой не мешало бы немного расслабиться.

Собеседница долго держала лицо суровым, но в итоге лишь тяжело вздохнула:

— Раз ты согласен, пусть будет так. Твой проект — тебе и решать.

События двухлетней давности наложили слишком тяжёлый отпечаток на каждого из них. В этом потоке не выжил никто; зачастую те, кто казался со стороны самым нормальным, были изранены глубже всех.

У неё действительно развилась острая реакция на стресс. Но Ли Жуну, которому самому пришлось преодолевать психологические барьеры такой величины, приходилось ещё и успокаивать её.

Чжай Нин чувствовала и жалость, и бессилие. Судьбы людей действительно не равны: кто-то проживает жизнь в покое и неге, а кто-то, кажется, рождён лишь для того, чтобы раз за разом проходить сквозь пламя.

Снова наступил август. Облака пылали закатным пожаром, горы кутались в изумрудную зелень. Июльский зной неохотно отступал, а тени прошлого — сокрушительная катастрофа и

руины надежд — оставались лишь призрачными следами на песке времени.

Первая фаза испытаний GT201 официально стартовала.

На этот раз Центральная больница «Цзяцзя» мобилизовала все ресурсы: пятьдесят маленьких пациентов были взяты под круглосуточное наблюдение.

После введения препарата у части детей наблюдались лёгкие побочные эффекты: субфебрильная температура и потеря аппетита. В самом тяжёлом случае дело дошло до рвоты и диареи, но через три дня все симптомы бесследно исчезли.

Спустя пять дней признаки прогерии начали заметно угасать, достигнув того же эффекта, что давал «Цзякэтин».

На седьмой день была введена вторая доза, после чего началось трёхмесячное пристальное наблюдение.

За этот срок пятерым детям потребовалась третья доза препарата. Остальным сорока пяти пациентам хватило двух — симптомы болезни больше не проявлялись.

Спустя три месяца дети покинули больницу. Серьёзных побочных эффектов зафиксировано не было, как и потребности в постоянном приёме лекарств.

В тот день, когда на город обрушился первый сильный снегопад, Ли Жун снова предстал перед прессой.

На нём был безупречно чистый лабораторный халат, воротник которого открывал край белого шерстяного свитера. В зале яблоку было негде упасть, из-за жары щёки юноши порозовели, а кончики волос чуть намokли от пота.

Он недавно подстригся: пряди аккуратно ложились на шею, а в свете сотен софитов и вспышек его густая чёрная шевелюра отливала мягким глянцем.

Ли Жун стоял перед камерами, сжимая микрофон длинными пальцами. Он обвёл взглядом возбуждённую, сияющую надеждой толпу и, чуть прищуриив глаза, спокойно констатировал факт:

— Проект GT201. Первая фаза клинических испытаний «Люйиньской» признана успешной.

Но если всмотреться в эти ясные, чистые глаза сквозь объектив камеры, становилось ясно: эта улыбка была искренней и шла из самой глубины сердца.

Как в тихой воде скрыты бушующие волны, так в ясных облаках таятся мороз и снег.

Эта холодная зима согрелась в объятиях яростного, ликующего праздника.

[@Научный вестник: Ли Жун, сын Ли Цинли и Гу Нун, сегодня официально объявил: первая фаза испытаний «Люйиньсюй» прошла успешно! Подробные отчёты и данные наблюдений доступны по ссылке на сайте Центральной больницы «Цзяцзя»]

[@Научный человек: Пропавший на долгое время Ли Жун вернулся, чтобы объявить о триумфе! Победа, опоздавшая на два года. Поздравления, которые должны были прозвучать ещё тогда!]

[@Ежедневные новости: Все пятьдесят пациентов, участвовавших в испытаниях, полностью восстановили здоровье. Наблюдение продолжается, мы с нетерпением ждем начала второй фазы!]

[@██████████bot: Финал, достойный сказки. После тьмы наступил рассвет, из пепла возродилась жизнь. Поздравляем]

— А-а-а-а! «Люйиньсюй» работает!

— Действительно успех! Ни одной смерти, все дети перестали принимать лекарства, и состояние стабильное!

— Я и не знала, когда они успели его сделать, а тут уже результаты первой фазы!

— Наверное, Ли Жун молчал из-за тех нападков в сети. Эх, почему от жертв всегда требуют невозможного?

— Осталась ли совесть у тех, кто обвинял его в бездельничанье? Создать столь эффективный препарат за такой срок — разве на это способен человек, который тратит время на пиар?

— Они просто отработывали деньги, сейчас небось все посты потёрли.

— Я так счастлива! У моего ребёнка появился шанс, пожалуйста, внедрите его поскорее!

— Рада за семью Ли, но как же горько... Если бы не заговор «Сухэ», многие дети вылечились бы ещё два года назад. Преступления Чжэн Чжупаня не искупить ничем!

— Это только первая фаза, но я уже чувствую: «Цзякэтин» скоро окончательно уйдёт в историю.

— Спасибо семье Ли за всё, что они сделали. Вы чисты перед миром, и пусть мир будет достоин вас.

Похвалы, любовь, признание — они были повсюду, окутывая Ли Жуна плотным коконом.

Он в одночасье стал самой востребованной фигурой в стране. Заголовки пестрели его именем, телефоны разрывались от предложений о сотрудничестве.

В Группе «Высокая башня» царило небывалое воодушевление. Восхищение юным учёным не утихало на протяжении всей зимы.

Кроме того, все заметили одну важную перемену: с тех пор как Чжу Янь слёг, а Цзян Вэйдэ возглавил Исследовательский институт «Хунсо», вражда между Группой и институтом начала стремительно сходиться на нет.

Для большинства Цзян Вэйдэ был «своим». Раз он стал директором, значит, Группа фактически получила бразды правления. Зачем тогда воевать с «Хунсо»?

Враг исчез, а вместе с ним испарилось и напряжение. У Чжан Чжаохэ больше не было зацепок, чтобы стравливать коллег и играть на их нервах. Его роль в Группе становилась всё более призрачной.

Зато за каждым жестом Ли Жуна Группа следила с замиранием сердца.

Такой блестящий, выдающийся юноша — лучший наследник воли Ли Цинли и Гу Нун, идеальное лицо Группы «Высокая башня».

К тому же он оказался невероятно великодушен: Ли Жун открыто делился результатами своих исследований, ни разу не упомянув о том, скольких усилий ему это стоило. Его будущее сияло ослепительным светом.

Однако в тот момент никто в Группе ещё не осознавал, что их симпатия к нему переросла в нечто большее, чем простое одобрение. Это было некое негласное ожидание, столь масштабное и дерзкое, что никто не решался произнести его вслух.

Предчувствие витало в воздухе.

— Учитель Ли, профессор Цзян просил передать: вам пришло письмо от журнала «С нуля», они ждут вашего ответа, — помощник Цзян Вэйдэ был старше Ли Жуна, но в стенах института он невольно называл его «учителем».

Ли Жун отвёл взгляд от окна и отхлебнул уже остывшее сладкое молоко.

— Хорошо, я понял, — мягко ответил он.

Снежинки на его пальцах растаяли от тепла кожи. На карнизе за стеклом остались чёткие следы, похожие на отпечатки кошачьих лап.

— Учитель Ли, на что вы там смотрите? — не удержался помощник.

Юноша слизнул с губ капельку молока, спрятал озябшие пальцы в рукава и небрежно бросил:

— На шторм.

Ассистент опешил, а затем простодушно усмехнулся:

— Это верно. У «Хунсо» тут такое место — зимой всегда жуткие сквозняки. Выйдешь за дверь — и с ног сбивает.

Ли Жун лишь загадочно улыбнулся.

Этим ясным зимним утром солнце светило ярко и ласково. Лучи падали на землю, переплетаясь с девственной белизной снега в сверкающую золотую сеть.

Цзян Чжэн в тёмно-жёлтом зимнем платье и белоснежной меховой накидке, цокая тонкими каблуками чёрных туфель, вошла в здание Девятого района. В руках она сжимала пухлую папку с документами, лицо её было абсолютно бесстрастным.

Она походила на ярко-жёлтую иволгу, влетающую в чащу древнего леса. С виду — хрупкая и безобидная, но в её власти было в любой миг вызвать сокрушительный ураган.

Неделю спустя

На официальном сайте Девятого района внезапно появилось краткое уведомление о кадровых перестановках: Хань Цзян освобождён от должности начальника отряда «Призрачный глаз». На его место назначен Цэнь Сяо.

<http://bllate.org/book/15351/1575012>